

Как поссорились Николай с Васильевичем

КАМЕРНЫЕ ОПЕРЫ ПО ГОГОЛЮ В МАРИИНКЕ

предчувствуют Владимир Раннев и Дмитрий Ренанский



«Тяжба»

ОПЕРНЫЕ ПОСТАНОВКИ теперь бывают двух типов — репертуарные и проектные. С первыми у нас традиционно хорошо — хитовый ассортимент хоть не велик, но отточен на поколениях поклонников как «Отче наш» у аккуратных богомольцев. С проектными сложнее. Это одноразовые дорогостоящие предприятия с ненадежными сценическими перспективами — либо раритеты из «лавки древностей», либо современный cantus incognitus. Мариинка — редчайший в России театр, который и репертуар тащит, и рискует заказывать «молодое, незнакомое».

Но если есть право и лево, то между ними тоже что-то есть. В 2004 году, почувствовав потребность современного театра в современной музыке, Мариинка задумала проект: составить из трех новых камерных опер гоголевский спектакль. Решение этой задачи было поручено петербургскому музыковеду Леониду Гаккелю — человеку в своем деле почтенному, но не знатоку новой музыки, а тем более не ее любителю. В его ситуации самым верным было бы объявить конкурс. Он почти так и сделал: обзвонил нескольких своих друзей — профессоров консерваторий, предложил им подобрать для этого дела кого-нибудь из своих учеников, а уже потом, задним числом, назвал эту схему «закрытым конкурсом». Таким образом отбиралось «молодое», но «знакомое». То есть формально современное, но такое же предсказуемое и благонадежное, как классическое репертуарное.

В результате первое место отдать кому-нибудь из номинантов постеснялись, а остальные — два вторых, три третьих и дипломы — поделили между приглашенными участниками. Ставить театр взялся три оперы — «Тяжба» Светланы Нестеровой, «Коляска» Вячеслава Круглика и «Шпонька и его тетушка» Анастасии Беспаловой.

Они знают, почему в РЕЖИССЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ ФУНТ ЛИХА

Первые двое — ученики профессора петербургской консерватории Бориса Тищенко, а Анастасия Беспалова — екатеринбуржца Владимира Кобекина, который в свое время учился у профессора петербургской консерватории Сергея Слонимского.

Сказать что-нибудь о музыке лауреатов затруднительно, потому что пишут они мало и исполняются редко (если верить их биографиям в пресс-релизах). Это обычное следствие жанра «закрытый конкурс», механизм которого известен по современной практике конкурсов на освоение госсредств в разных отраслях; кто и почему к ним допускается и на них побеждает — у профессионалов частенько вызывает недоумение.

От чего же Мариинка перестраховалась? Получается, от самой же себя: привезти, скажем, жестко-авангардную оперу «Припудри ей личико» Томаса Адеса — это гоже для отечественного академического театра. А вот допустить на сцену подобной продукт собственного производства — уже маргинализм. И чтобы не дай бог не сглазить, обращаются за композиторами строго по инстанции: музыковед — консерваторский профессор — член союза композиторов.

Поскольку ни один из композиторов пока не обнаружил иных творческих достижений помимо усердного следования рекомендациям своих профессоров, театральные результаты обещают быть безусловно более интересными и значимыми.

На реализацию этой младосоветской музыки брошены солидные силы. Это

кассовые спектакли по бульварным пьесам. Могут поставить «кушать подано», а могут накрутить концептуальный проект — словом, знают, почему в режиссерской профессии фунт лиха.

Того же неслабого свойства будут и художники-постановщики. Алексей Вотяков («Коляска») служит главным художником в Магнитогорской драме и в прошлом году был номинирован на «Золотую маску» за сценографию к «Грозе» Льва Эренбурга. В этом году на «Маску» за лучшую работу художника претендует Олег Головкин («Тяжба»), который вместе с Николаем Слободяником («Шпонька и его тетушка») — ученики живого классика Эдуарда Кочергина и одновременно основатели арт-группы «Мусорщики», чьим самым громким проектом стала реализованная при поддержке Фонда Pro Arte выставка театральной пыли. Слободяник работал от московского МХТ до петербургского «Приюта комедианта», Головкин оформлял спектакли в консерваторском Оперном и был глав-



«Шпонька и его тетушка»

только кажется, что ставить будут такие же молодые и зеленые режиссеры с художниками. Все трое постановщиков — недавние выпускники школы-студии МХТ, причем учились они у Камы Гинкаса, самого музыкального из мэтров русской режиссуры. Свои спектакли он организует по законам музыкальной композиции. Его ученики к музтеатру отношения не имеют — разве что Антон Коваленко в своем «Подземном боге» работал с бит-боксерами и лидером группы 5'Nizza Сергеем Бабкиным, да Максим Кальсин на пару со своей однокурсницей ставил семейстейдж «Директора Театра» Моцарта и «Сначала музыка, потом слова» Сальери. Но зато они умеют много чего другого. Они не просто успели попробовать свои силы — они активно работают и в столицах, и по всей России. Это бывалые люди, которые, усвоив от своего мастера академическое ремесло, успели броситься во все тяжкие. Они потели в театре, дос, не понаслышке знают, что такое verbatim, имели контакты с кино, колымили

ным художником двух лучших театров Сибири в Барнауле и Новосибирске.

Каждый из трех режиссеров тоже, что называется, с биографией. Самый знакомый здесь Антон Коваленко («Тяжба») начал апологетом новой драмы (ставил Привалова и Архипова), а прославился как специалист-многоостановщик по творчеству Мартина Макдонаха, которого он не слишком удачно ставил в Саратове и в Петербурге. Двое других остаются темными лошадками. Максим Кальсин («Коляска») известен тем, что до режиссерской школы Гинкаса получил диплом историка, опыт писательства и учился у Карена Шахназарова. Многого стоит ждать от Алены Анохиной («Шпонька»), Кама Гинкас аттестовывал ее как одну из самых ярких своих учениц. К режиссуре она пришла на пике успешной актерской карьеры в Минске, а после выпуска из школы-студии МХТ запомнилась чеховской «Палатой № 6» в таллинском Русском театре.

Мариинский театр, 1 апреля, 19.00